

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.А. БЕЛОШАПКОВОЙ

Как уже сообщалось в нашем журнале, в октябре 2012 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялись чтения, посвященные 95-летию со дня рождения выдающегося ученого, профессора кафедры русского языка филологического факультета МГУ Веры Арсеньевны Белошапковой (см. подробную информацию об этом событии, подготовленную И.А. Галактионовой и опубликованную в первом номере нашего журнала за этот год). По просьбе редакционной коллегии некоторые из докладчиков подготовили на основе своих выступлений статьи, предлагаемые вниманию читателей.

От редакционной коллегии

Т.В. Шмелева

КОММУНИКАТИВНЫЙ ВЕС ПРОПОЗИЦИИ

В статье утверждается, что изучение и описание сложного предложения необходимо соотносить с идеей трехаспектности высказывания. Такой подход учитывает имеющиеся знания о сложном предложении и требует использования новых понятий, таких как техника сложного предложения, коммуникативный вес пропозиции. Эти понятия получают обоснование в статье и иллюстрируются анализом медийного текста.

Ключевые слова: сложное предложение и его конструктивный, смысловой и актуальный аспекты, техника сложного предложения, коммуникативный вес пропозиции.

It is stated in the article that the study and description of the complex sentence should be correlated with the idea of an utterance's three-aspectual character. Such an approach takes into account the existing knowledge of the complex sentence and requires the use of some new notions, such as the technology of a complex sentence and the communicating weight of the proposition. These notions are substantiated in the article and illustrated with an analysis of a media text.

Ключевые слова: the complex sentence and its constructional, semantic and functional-perspective aspects, the technology of a complex sentence, the communicative weight of a proposition.

Для тех, чья лингвистическая судьба связана с Верой Арсеньевной Белошапковой, каждая памятная дата — горькое и светлое напоминание об Учителе, ее отношении к русской грамматике и своим

ученикам, о ее любимых синтаксических идеях. В 95-ю годовщину со дня рождения Веры Арсеньевны хотелось бы обратиться к идее трехаспектности предложения¹.

Прежде всего стоит напомнить, что именно Вера Арсеньевна ввела эту идею в отечественный научный оборот. В ее учебнике [Белошапкова, 1977: 82–83] находим положение, формулируемое со ссылкой на уже упомянутую статью: «... предложение в понимании современной синтаксической науки — сложное явление, которое соединяет в себе три синтаксических объекта: 1) формальную устроенность, 2) семантическую структуру, 3) коммуникативную устроенность». Эта идея определяет композицию учебника, как и написанного ею синтаксического раздела университетского учебника современного русского языка [Белошапкова, 1981; Белошапкова, 1989; Современный русский язык, 1997]; могу добавить, сказанное относится и к лекционному курсу Веры Арсеньевны. Такую композицию можно назвать «поаспектной»: от формальной организации — к семантической структуре, а затем — к коммуникативной устроенности предложения.

Разумеется, идея чешского лингвиста не была единственной опорой для такого понимания предложения, как ее подтверждение воспринимались широко обсуждавшееся в те годы понятия *структурной схемы предложения* [Грамматика, 1970] и его *актуального членения* [Ковтунова, 1976]. Но как идея, синтезирующая разнообразные исследования предложения / высказывания² и объясняющая его природу, она чрезвычайно важна, и Вера Арсеньевна увидела в ней, так сказать, особую «организующую силу» для синтаксической науки.

Синтаксическая концепция В.А. Белошапковой в дальнейшем нашла отражение в ряде ее публикаций [Библиография, 1997; Белошапкова, Менькова, 1995], в исследованиях ее учеников [Диссертации, 1997; Абашина, 2006], университетских учебниках современного русского языка [Всеволодова, 2000; Ильенко, 2009]. Все это позволяет говорить о том, что идея трехаспектности предложения стала неотъемлемой частью современного синтаксического мышления.

Но с годами выявляется некая асимметрия в ее использовании: поаспектное описание более последовательно осуществляется по

¹ Эта идея принадлежит чешскому лингвисту Франтишку Данешу. Она опубликована в статье [Daneš, 1964], так и не переведенной на русский язык.

² Популярный некогда сюжет различения предложения и высказывания, принадлежности их языку или речи сегодня кажется не заслуживающим такого внимания и, главное, не дающим нам каких-то существенных научных приобретений. С пониманием этого обстоятельства связано мое неразличение этих двух терминов и использование их как синонимов. Естественно, что в случаях устойчивых сочетаний типа *простое предложение*, *сложное предложение*, *модель предложения* нет смысла нарушать сложившийся узус. Но при обсуждении общих проблем высказывания/предложения вполне возможно использовать оба термина без различий, предпочитая тот или другой по условиям организации текста в стилистических целях.

отношению к простому предложению, по отношению же к сложному наличие аспектов четко обозначено³, но после их краткой характеристики его описание представлено в виде структурно-семантической классификации, в основе которой — противопоставление сочинения и подчинения как видов синтаксической связи. Иначе говоря, описание аспектов сложного предложения не становится определяющим способом представления этого синтаксического феномена.

Можно высказать предположение, что Вере Арсеньевне казался недостаточным тот понятийный аппарат аспектного осмысления, который позволил бы положить его в основу описания сложного предложения. Кроме того, по всей видимости, было такое ощущение, что формальная и смысловая организация сложного предложения теснее связаны между собой, чем соответствующие аспекты простого предложения, поэтому описывать их раздельно не имеет смысла, предпочтительнее охарактеризовать структурно-семантические типы.

Полагаю, что сегодня мы располагаем новым опытом изучения сложного предложения, данными о его семантике и синтаксических структурах, позволяющими уточнить некоторые моменты трехаспектного подхода к нему.

Прежде всего хотелось бы отметить, что тесноту связи, спаянность структурной и смысловой организации сложного предложения не стоит абсолютизировать. Есть основания обсуждать вопрос о **технике сложного предложения** как действующем наборе инструментов формальной организации сложного предложения, активно используемом говорящими для выражения своих коммуникативных замыслов, и изучать привлечение разных типов техники к решению смысловых задач, находящихся в репертуаре сложного предложения. Наиболее показательна в этом отношении изъяснительная конструкция, к организации которой могут быть привлечены все виды техники сложного предложения [Шмелева, 2010; 2012].

Такое понимание синтаксической техники приводит к иной интерпретации отношений между простым и сложным предложением. Так, если сначала брать готовые предложения, а затем «вычислять» и описывать их семантику, то различия простого и сложного предложения представляется непреодолимыми. Если же представить себе смысловую задачу, которую говорящему предстоит выполнить в ходе формирования высказывания, то различие между простым и сложным

³ Интересно отметить: если в первой версии учебника было указано только два аспекта сложного предложения — коммуникативный и конструктивный [Белошапкова, 1977: 160—163], то в последней — уже три, хотя вместо термина *аспект* используется термин *организация*: формальная, смысловая и коммуникативная организация сложного предложения [Белошапкова, 1989: 720—725]. Это значит, что к идее трехаспектности сложного предложения В.А. Белошапкова приходила постепенно, тогда как трехаспектность простого была для нее очевидна уже при создании первого учебника.

предложением может выявиться только тогда, когда уже полученный результат придется подвергнуть традиционному синтаксическому анализу. При этом окажется, что техника сложного предложения — лишь одна из возможностей языкового воплощения его содержания.

Такой — еще не традиционный — прием описания предложения предпринят в учебном пособии [Федосюк, 2012], где особую часть составляет «Ономасиологический аспект синтаксиса». В параграфе «Способы выражения полипропозитивных сообщений» (а полипропозитивность, как мы знаем, — главная семантическая характеристика сложного предложения) дается список средств выражения пропозиции — от самостоятельного предложения до слов или словосочетаний. Он иллюстрируется конструкциями близкого содержания: *Все говорили о том, что в школе появился новый учитель; Все говорили о появлении в школе нового учителя; Появившись в школе, новый учитель сразу всем понравился* [Федосюк, 2012: 206]. Далее здесь же указываются различия приведенных средств выражения пропозиции в плане «нюансов содержания»: реальность/нереальность события, время его протекания и др.

Весьма выразительна таблица (см.: [Федосюк, 2012: 208]), в которой приводятся реальные высказывания официально-делового стиля с обозначением пропозиций словами (точнее, отглагольными существительными) и их экспериментальные «переводы» с оформлением пропозиций глаголами (придаточными). Читатель убеждается в том, что существительные используются при необходимости представить пропозицию недетализированно и обобщенно.

Таким образом, мы видим, что в этом учебном пособии простое и сложное предложения представлены в одном ряду, который возникает при выборе адекватных способов предъявления полипропозитивного содержания. При этом детально показана их смысловая близость и специфичность. Это очень важный шаг в осмыслении отношений синтаксических единиц и реальный результат поаспектного взгляда на них.

Однако при таком подходе ответ на вопрос о мотивах выбора того или иного оформления конкретной пропозиции располагается полностью в смысловом аспекте предложения. Полагаю, что есть основания видеть эти различия и в актуальном аспекте⁴, что, разумеется, требует аргументации.

⁴ Здесь следует отметить, что термин *актуальный* по отношению к третьему аспекту предложения мне кажется предпочтительнее термина *коммуникативный*, который, как видно даже из приведенных цитат, использовала Вера Арсеньевна. Это связано с тем, что синтаксис мы понимаем как часть грамматики, изучающей коммуникативные единицы языка (Н.Д. Арутюнова), а значит в них все — коммуникативно. Обсуждаемый же здесь аспект отражает актуальную коммуникацию с интенциями автора, фондом знаний адресата, уже полученной информации в тексте/общении. Термин *актуальный*, привычный в сочетании *актуальное членение предложения*, подходит для обозначения этого аспекта как нельзя лучше.

Возвращаясь к характеристике коммуникативной организации сложного предложения в учебнике [Белошапкова, 1989], мы видим, что в нем подчеркивает общность в этом отношении простого и сложного предложений [там же: 724]. Из специфических черт коммуникативной организации сложного предложения отмечается порядок частей и парцелляция [там же: 724–725]. Конечно, сегодня понятно, что эти два момента не исчерпывают данного аспекта.

Продвижение в понимание этого аспекта сложного предложения обнаруживаем в книге [Абашина, 2006]. В ней показано, что структурно-семантические типы сложного предложения, описанные В.А. Белошапковой, выявляют и определенные актуальные характеристики. Так, сложносочиненные и бессоюзные перечислительные предложения предъявляют ряд событийных пропозиций, в каждой из которых действует собственное деление на тему и рему. Детерминантные же предложения устроены так, что их придаточное составляет, как правило, тему, хотя и может быть рематизировано специальными средствами. Местоименно-соотносительные предложения трудно назвать собственно полипропозитивными: в них придаточное есть только фразовая номинация одного из элементов, поэтому оно входит в состав темы или ремы «вслед» за своим словом или местоимением.

Продолжая поиск понятий, в которых актуальный аспект сложного предложения мог бы получить более информативную характеристику, следует сказать, что актуальную организацию сложного предложения есть все основания считать **двухуровневой**: на первом уровне автором устанавливается, а адресатом вычитывается **актуальная иерархизация пропозиций**, а на втором — **иерархия элементов в составе пропозиций** аналогично тому, как это происходит в простом предложении за счет порядка слов, анафорических замен и т. п.

Если второй уровень в принципе понятен с учетом того, что факторы тематизации и рематизации элементов задаются сложным предложением, то для анализа первого уровня я предлагаю ввести термин **коммуникативный вес пропозиции** и обозначить им относительную актуальную ценность пропозиции, которую ей придает автор и которую должен извлечь из текста читатель. Определить эту ценность можно, обращаясь к **шкале коммуникативных весов**, фиксирующей соответствие каждому весу определенной формы выражения пропозиции. Если ввести некую условную «единицу коммуникативного веса пропозиции», то шкала, расположенная по убыванию, может выглядеть, например, так:

- 7 — самостоятельное предложение;
- 6 — часть сложносочиненного предложения или главная часть сложноподчиненного предложения;
- 5 — придаточная часть сложноподчиненного предложения;

4 — «полупредикативная» единица (инфинитив, деепричастие, причастие);

3 — свернутая пропозиция=атрибут;

2 — свернутая пропозиция=актант;

1 — свернутая пропозиция=сирконстант;

0 — невыраженная пропозиция.

Продемонстрировать эту шкалу коммуникативных весов можно серией экспериментальных предложений, включающих одну пропозицию с разным весом:

Он приехал в понедельник (7);

Он приехал, и ситуация сразу изменилась; Он приехал, когда уже было поздно (6);

Уже ничего нельзя было изменить, когда он приехал (5);

Приехав (4), он сразу включился в обсуждение ситуации;

Приехавший (3) эксперт сразу выступил с гипотезой;

Сообщили о его приезде (2);

По приезде (1) эксперта расследование ускорилось;

Все ждали эксперта, но встретиться с ним так и не удалось (0).

Шкала коммуникативных весов пропозиции помогает понять, как автор, вознамерившийся создать некий текст, сначала отбирает для его содержания набор пропозиций, далее устанавливает их иерархию «приписыванием» каждой из них того или иного коммуникативного веса от 0 до 7, а затем выбирает соответствующее оформление для каждой пропозиции или их комплексов. Адресат же из оформления предложений извлекает информацию не только о собственно пропозитивном содержании текста, но и о коммуникативном весе каждой из пропозиций и их соотношениях.

В хорошо всем знакомой ситуации редактирования (или саморедактирования) включается **контроль** над адекватностью распределения коммуникативных весов между пропозициями текста, с одной стороны, и — с другой — над адекватностью выбора для них лексико-грамматического оформления в соответствии с «приписанным» коммуникативным весом. И, как хорошо всем известно, часто происходит переоценка веса пропозиций — и возникает необходимость их переоформления. Именно в таких случаях часто прибегают к замене простого предложения сложным, и наоборот. Отчетливое понимание того, с чем связана такая замена и сами поиски нужной формы, помогают как автору, так и читателю, в том числе и редактирующему. Конечно, распределение коммуникативных весов между пропозициями — воля автора, но существует логика текста, необходимость учитывать тематическую основу и рематический сюжет, а также авторское начало [Шмелева, 1998; 2005; 2006]. Поэтому мы понимаем, что воля автора небезгранична, она складывается с учетом того, что уже сказано в тексте и какова цель его построения.

Покажем возможности оценки и переоценки коммуникативного веса пропозиций на реальном тексте из журнала «Русский репортер» (№ 27 / 2012: 78). Литературный обозреватель журнала Константин Мильчин в своей колонке «Книги» помещает текст «О пользе чтения для взрослых», который начинает автобиографическим признанием: *У меня было не совсем правильное детство*. Перечислив прочитанные ему в детстве совсем не детские книги, автор заключает: *Что-то мне моя крайне продвинутая мама читала на ночь, кажется, все-таки опуская некоторые «взрослые» места, с которыми я познакомился в уже взрослом возрасте*.

Первое предложение текста составляет в семантическом отношении одну пропозицию характеристики (детство — *не совсем правильное*). Автор начинает им текст, придавая тем самым этой информации максимальный коммуникативный вес (7) и создав эффект автобиографического признания, на который уже было указано. Заметим, однако, что характеристика не помещается в коммуникативный фокус, и для предложения выбирается модель не характеристики (было бы: *Мое детство было не совсем правильным*), но обладания (*У меня было детство*), характеристика занимает место атрибута, а не предиката. Это, однако, относится не к коммуникативному весу пропозиции, а к иерархизации ее элементов.

Второе высказывание — полипропозитивно: его составляют пять пропозиций. Максимальный вес — у пропозиции *мама читала* (7), ниже — пропозиции *пропускала «взрослые» места* (4), но повышается вес пропозиции *я познакомился* (5), и она включает на правах элемента пропозицию состояния *во взрослом возрасте*, оформленную как обстоятельство (1). Линейно главной предшествует пропозиция *крайне продвинутая мама* (3). Иными словами, актуальную пропозитивную картину этого высказывания можно представить следующим образом: 3-7-4-5-1, и, как нетрудно заметить, только в одном случае автор прибегает к технике сложного предложения — на основе местоименной присубстантивной связи: *...места, с которыми...* Во всех остальных случаях он обходится техникой простого — распространенного и осложненного — предложения.

Вполне можно себе представить, что возникает необходимость понизить коммуникативный вес пропозиции первого предложения и включить ее в состав второго высказывания. Тогда оно может принять такой вид: *В моем не совсем правильном детстве моя крайне продвинутая мама читала мне на ночь, кажется, все-таки опуская некоторые «взрослые» места, с которыми я познакомился в уже взрослом возрасте*. И без того полипропозитивное предложение становится сложнее на две пропозиции с коммуникативным весом соответственно 3 и 2 (свернутая пропозиция — в данном случае до обстоятельства, в которой характеристика занимает по-прежнему

атрибутивную позицию). Что касается общей пропозитивной картины этого высказывания, то ее можно представить так: 2(3)-3-7-4-5-1. И удельный вес техники сложного предложения в нем еще меньше относительно общего объема высказывания.

В другом случае автор мог бы наделить весом 7 пропозицию *продвинутая мама*, и тогда можно было бы ожидать такой трансформации: *Моя мама — крайне продвинутая, и поэтому в моем детстве, не совсем правильном, как я теперь понимаю, она читала мне на ночь что-то, кажется, все-таки опуская некоторые «взрослые» места, с которыми я познакомился уже взрослым.* Но такая модификация маловероятна, поскольку далее в тексте развиваются сюжеты, связанные не с мамой автора и ее характеристиками, а с проблемой детского чтения. Чтобы в этом убедиться, надо прочитать финальную часть текста: *Интересно посмотреть, как будет выглядеть добровольный список для чтения старшеклассника-отличника лет через десять: найдется ли в нем место для немного наивной советской подростковой литературы? Впрочем, мода имеет тенденцию возвращаться.*

Итак, для понимания актуального аспекта предложения — еще до того, как оно окажется простым или сложным, — можно измерять коммуникативный вес составляющих его пропозиций. Соотношение весов определяет и выбор техники сложного предложения, и порядок следования частей, на который обращала внимание Вера Арсеньевна.

Нельзя не отметить, что обращение к понятию *пропозиция*, которое вернулось в понятийный аппарат лингвистики в 70-е годы, подтверждает пользу этого возвращения. Ведь это понятие положено в основу различения простого и сложного предложения как монопропозитивной и полипропозитивной семантических структур; оно позволяет «исчислять» сложность диктума, видеть различие диктумных и модусных пропозиций; интерпретировать технику простого предложения как систему репрезентации пропозиции [Шмелева, 1980; 1988]. Ко всем этим важным для синтаксиса моментам прибавляется еще и возможность измерять коммуникативный вес пропозиции и по-новому видеть актуальное устройство предложения — будь оно сложное или простое.

Мне не кажется, что это — частность, мало что меняющая в синтаксисе. Это важный момент, позволяющий видеть предложение **в текстовой перспективе**. И такое видение представляется более существенным и полезным, чем умение опознавать типы предложений по одной из классификаций. Именно поэтому мне показалось целесообразным ввести информацию о коммуникативном весе пропозиции в синтаксический раздел учебника «Современный русский язык. Теория», работа над которым завершается под руководством проф. Л.Р. Дускаевой в Высшей школе журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. Будущим журналистам необходимо знать не столько проблемы

классификации и наименования различных типов предложений или их элементов, сколько механизмы, техники, которые обеспечивают воплощение авторских замыслов в приемлемые тексты.

Знаменательно, что завершение работы над грамматическим разделом в этом учебнике совпадает с 95-й годовщиной со дня рождения Веры Арсеньевны Белошапковой. Ведь она придавала огромное значение университетскому учебнику и сначала в одиночку написала учебник русского синтаксиса, а затем создала со своими единомышленниками, кого она ценила в науке и в жизни, университетский учебник по всему курсу современного русского языка. Мне уже приходилось писать о том, что Вера Арсеньевна при каждом новом издании учебника (1977, 1981, 1989) вносила в свои части новое, будучи уверенной в том, что студент должен познакомиться в учебнике не только с русской синтаксической традицией, но и узнать последние достижения науки (см. подробнее: [Шмелева, 1997]).

И сегодня мне кажется, что, отмечая скорбные даты, все дальше уводящие нас от общения с Верой Арсеньевной, мы должны не только внимательно перечитывать ее труды (хорошо бы их переиздать, чтобы новые поколения русистов тоже могли с ними познакомиться), но и думать о том, как бы развивалась ее синтаксическая мысль, какие новые перспективы могли открыться перед нами в таком развитии. Один из последних моих разговоров с Верой Арсеньевной был об учебнике, и мы говорили о том, что учебников должно быть много, и не только потому, что много авторов-синтаксистов, но и потому, что для учебника чрезвычайно важен фактор адресата: то, что важно для филолога, может быть отведено на второй план для специалистов в других областях. Работая над своим разделом учебника для журналистов, специалистов в области пиар-деятельности и рекламы, я старалась помнить об этом. Надеюсь, что выход этого учебника и его научное обсуждение тоже можно будет посвятить памяти Веры Арсеньевны, воспринимая его как свидетельство продолжения жизни ее синтаксических идей и дидактических принципов.

Список литературы

- Абашина В.Н.* Вопросы коммуникативно-прагматического описания сложного предложения в русском языке: аспект актуального членения. Львов, 2006.
- Белошапкова В.А.* Современный русский язык. Синтаксис: Учебное пособие. М., 1977.
- Белошапкова В.А.* Синтаксис // Современный русский язык: Учебник / В.А. Белошапкова, Е.А. Земская, И.Г. Милославский, М.В. Панов; под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981.
- Белошапкова В.А.* Синтаксис // Современный русский язык: Учебник для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989.
- Белошапкова В.А., Менькова Н.В.* Пропозитивная семантика сложного предложения (количественный аспект) // Филологический сборник

- (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова) / Отв. ред. М.В. Ляпон. М., 1995.
- Библиография работ В.А. Белошапковой / Галактионова И.В., Шмелева Т.В. // Синтаксис: изучение и преподавание: Сборник работ учеников В.А. Белошапковой. М., 1997.
- Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
- Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1970.
- Диссертации учеников В.А. Белошапковой / Галактионова И.В., Шмелева Т.В. // Синтаксис: изучение и преподавание: Сборник работ учеников В.А. Белошапковой. М., 1997.
- Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб., 2009.
- Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Современный русский язык: Учебник для филол. спец. ун-тов. / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997.
- Федосюк М.Ю. Синтаксис современного русского языка: учебное пособие. М., 2012.
- Шмелева Т.В. Пропозиция и ее репрезентации // Проблемы теории и истории русского языка / Под ред. К.В. Горшковой. М., 1980.
- Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1988.
- Шмелева Т.В. Синтаксис и судьба // Синтаксис: изучение и преподавание: Сборник работ учеников В.А. Белошапковой. М., 1997.
- Шмелева Т.В. Текст сквозь призму метафоры тканья // Вопросы стилистики. Вып. 27. Саратов, 1998.
- Шмелева Т.В. Текст как объект изучения в школе. Великий Новгород, 2005.
- Шмелева Т.В. Текст как объект грамматического анализа. Красноярск, 2006.
- Шмелева Т.В. Техника сложного предложения // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике: коллективная монография / Сост., отв. ред. Л.М. Байдуж. Тюмень, 2010.
- Шмелева Т.В. Сложное предложение в свете трехаспектности высказывания // Россия и славянский мир в интеллектуальном контексте времени: Сб. материалов международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., г. Славянск-на-Кубани: В 2 ч. Ч. 2 / Отв. ред. С.А. Алексанова, Ю.Н. Кононова, Е.В. Мазунин, Н.Д. Няголова, И.М. Рысин, А.Н. Рябиков, М.В. Фуфалько, А.И. Яценко. Славянск-на-Кубани., 2012.
- Daneš Fr. A three-level approach to syntax // Travaux linguistique de Prague. 1. L'Ecole de Prague d'aujourd'hui. Prague, 1964.

Сведения об авторе: Шмелева Татьяна Викторовна, докт. филол. наук, профессор кафедры журналистики филол. ф-та Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. E-mail: szmiel@mail.ru